

ПАРЕМИОЛОГИЯ / PAROEMIOLOGY

Пословицы Петровского времени в Словаре В. П. Жукова

В. М. Мокиенко

Proverbs of Peter the Great's Time in the V. P. Zhukov's Dictionary

V. M. Mokienko

Валерий Михайлович Мокиенко – доктор филологических наук, профессор; Санкт-Петербургский федеральный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: mokienko40@mail.ru

Статья поступила: 15.10.2021. Принята к печати: 15.11.2021.

В статье подчёркивается значение «Словаря русских пословиц и поговорок», составленного В. П. Жуковым, для русской и общей паремиологии и паремиографии. Отмечается инновативное, нетрадиционное понимание составителем термина поговорка. Характеризуются основные лексикографические параметры, на которых этот словарь построен: 1) последовательная подача толкований к каждой образной пословице при их отсутствии для безобразных пословиц, т. е. поговорок; 2) детализированные контекстные иллюстрации из классической и современной литературы к каждой пословице, подтверждающие ее семантизацию; 3) последовательный историзм в указании хронологической последовательности фиксации русских паремий. Достижения последней цели В. П. Жуков добивается тремя способами. Во-первых, расположением цитатного материала с преимущественно имплицитным использованием хронологической последовательности авторов. Во-вторых – приведением в конце словарной статьи ссылок на литературу XVIII века и контекстных иллюстраций. Наконец, ссылкой на основные отечественные паремиологические собрания в их хронологической последовательности. Особое внимание в статье уделяется диахроническому аспекту, имплицитному в словари отсылками к паремиологическим собраниям Петровского времени: на конкретных примерах демонстрируется значение разных типов вариантов (морфологических, словообразовательных, синтаксических и лексических), зафиксированных собранием древних русских пословиц П. К. Симони, к которому последовательно отсылает В. П. Жуков. Тем самым словарь В. П. Жукова остаётся мощным импульсом для будущих разысканий по русской исторической паремиологии.

Ключевые слова: «Словарь русских пословиц и поговорок» В. П. Жукова, паремиология, пословица, поговорка, паремии Петровского времени, диахроническая паремиография

УДК 398.91

Valery M. Mokienko – Grand PhD in Philological Sciences, Professor; Saint Petersburg Federal University, Saint Petersburg, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-0264-0576

Received: 15/10/2021. Accepted for publication: 15/11/2021.

The article emphasizes the importance of the “Dictionary of Russian Proverbs and Sayings”, compiled by V. P. Zhukov, for Russian and general paroemiology and paroemiography. A compiler's innovative, unconventional understanding of the term proverb is noted, to which the author attributed vague proverbs like Money is a matter of time. The main lexicographic parameters, which this dictionary is based on, are characterized: 1) consistent presentation of interpretations to each figurative proverb in the absence of them for vague proverbs, i. e. sayings; 2) detailed contextual illustrations from classical and modern literature for each proverb, confirming its semantization; 3) consistent historicism in indicating the chronological sequence of recording Russian paroemias. The last goal is achieved by V. P. Zhukov in three ways. First, the arrangement of the quotation material with an implicit primary use of the authors' chronological sequence: first – the works of the classics, then – contextual quotations from the Soviet literature. Secondly, by giving references to the 18th century literature and the corresponding contextual illustrations at the end of the dictionary entry. Finally, a reference to the main Russian paroemiological collections in their chronological order. Particular attention in the article is paid to the diachronic aspect, which is implied in the dictionaries by references to the paroemiological collections of Peter the Great's time: specific examples demonstrate the meaning of different variant types (morphological, derivational, syntactic and lexical), recorded in the P. K. Simonyi's collection of ancient Russian proverbs, which V. P. Zhukov consistently refers to. Therefore, the dictionary of V. P. Zhukov remains a powerful impetus for future research in Russian historical paroemiology.

Keywords: V. P. Zhukov's “Dictionary of Russian Proverbs and Sayings”, paroemiology, proverb, saying, paroemias of Peter the Great's time, diachronic paroemiography

OECD: 6. 02. OY

V

Постановка проблемы. Для отечественной фразеологии и паремиологии 2021 год стал знаковым. Знаковым, поскольку он отмечен 100-летним юбилеем патриарха этих лингвистических дисциплин, основателем Новгородской фразеологической школы Власа Платоновича Жукова. Краеугольным камнем его целостной фразеологической теории стало детализированное исследование двух общих оппозиций, обеспечивающих динамику фразеологической системы: 1) фразеологизм и слово и 2) слово и компонент фразеологизма [Жуков, 2021]. Именно осознание «словности» компонентов устойчивых словосочетаний, признаваемой далеко не всеми фразеологами его эпохи, привело В. П. Жукова к последовательному многоаспектному анализу русской паремиологии и её лексикографическому писанию. Это и естественно: ведь в пословицах слово обычно не просто сохраняет свою «словность», но и становится узнаваемым смысловым и образным ядром всей паремии. Эта особенность словесных компонентов пословицы в отличие от компонентов фразеологизмов порождает трудности, причем нередко – почти непреодолимые – в семантизации пословиц. Если фразеологизмы, ввиду своей так называемой «соизмеримости со словом» дефинируются практически без проблем, а их эмоционально-экспрессивная характеристика покрывается и раскрывается соответствующими стилистическими пометами, то дефиниция пословицы никак не может быть монословной, соразмерной слову, поскольку она по сути своей полисловна, развернута до законченного предложения, как и сам объект ее описания.

История вопроса. Именно поэтому большинство самых совершенных классических европейских собраний пословиц – немецких [Wander, 1867-1889], чешских [Flajšhans, 1911-1913; 2013], польских [Krzyżanowski, 1969-1978], украинских [Номис, 1864; 1993], как и «наше паремиологическое всё» – «Пословицы русского народа» В. И. Даля [Даль, 1861-1862; 1879] оставляют избранные ими языковые и фольклорные единицы без последовательных толкований, ограничиваясь (да и то – скорее в виде исключений) отдельными глоссами.

Именно эту неимоверно трудную задачу поставил перед собой В. П. Жуков, задумав и осуществив составление своего знаменитого «Словаря русских пословиц и поговорок». Словаря, выдержавшего 11 изданий [Жуков, 1966; 1967; 1991; 2004] и до сих пор непревзойдённого по своей лексикографической последовательности в русской паремиографии. Пожалуй, именно задача последовательной дефиниционной характеристики паремий в этом капитальном словаре привела В. П. Жукова к пересмотру традиционного распределения терминов *пословица* и *поговорка*. Неудовлетворённый расширительной семантикой этих классических терминов, он отказывается от их традиционной трактовки и предлагает весьма оригинальное их толкование [Жуков, 1966, с. 11]. Под *пословицами* новгородский паремиолог понимает краткие народные изречения законченного синтаксического типа, имеющие одновременно прямой и переносный (образный) план, под *поговорками* – лишь те изречения, которые воспринимаются буквально. К первым

отнесены речения типа: *Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало*, ко вторым – *Деньги – дело наживное* или *Коса – девичья краса*. Отсюда – и вынесенное в заглавие словаря В. П. Жукова обозначение *поговорок* в той новой терминологической интерпретации, которая им была предложена в предисловии.

Будучи официальным рецензентом второго, исправленного и дополненного издания словаря В. П. Жукова в 1991 году (это была и личная просьба составителя, и заказ издательства «Русский язык»), автор этих строк выполнил свою рецензентскую функцию с пиететом, подчеркнув все несомненные достоинства этого фундаментального труда. Единственным поводом для дискуссии с автором стал тогда именно терминологический вопрос – проблема новой дефиниции терминов *пословица* и *поговорка*. Мною отстаивалось их традиционное толкование, где *пословица* – это законченное образное или безобразное изречение афористического характера, имеющее назидательный смысл и характеризующееся особой ритмической и фонетической организацией. *Поговорки* же интерпретировались в моей издательской рецензии так же традиционно – как *фразеологизмы* в узком смысле слова, т. е., по В. И. Далю, как устойчивые словосочетания в узком смысле слова типа *бить баклуши*, *гонять собак* или *не видно ни зги*. Главным отличием *пословицы* от *поговорки*, следовательно, по традиции признавалось отличие структурно-семантическое и функциональное: если *пословица* представляет собою законченную синтаксическую структуру с назидательным содержанием, то *поговорка* – это лишь «строительный элемент» предложения, оценочно-экспрессивное словосочетание, выполняющее в нём чаще всего ту же функцию, что и образно коннотируемое слово [Мокиенко, 2011].

Методология и методика анализа. Сейчас, по прошествии нескольких десятков лет, следует, как кажется, на эту терминологическую проблему посмотреть диалектично. А именно: оставляя неизменным традиционное определение терминов *пословица* и *поговорка*, принять само сущностное распределение пословиц на две категории, как и предлагал В. П. Жуков: 1) образные пословицы и 2) безобразные пословицы. Паремии этих двух категорий в классическом понимании термина *пословица* и стали объектом описания в словаре В. П. Жукова. И не просто стали – они чётко и последовательно разграничены автором значимой демаркационной линией: подачей развёрнутой дефиниции для каждой образной пословицы и её отсутствием для безобразной. Такой подход оказался новаторским и лексикографически продуктивным. Он оправдан и со строго логической точки зрения: образы, кодирующие смысл паремий первой категории, нуждаются в интерпретации, в то время как назидательный смысл пословиц безобразных прямо вытекает из сложения их словесных компонентов. Так чисто дефиниционная проблема стала для В. П. Жукова теоретическим (resp. терминологическим) классификационным инструментарием.

Семантизация двух типов русских паремий в словаре потребовала от составителя обширной контекстной документализации. Для отечественной паремиографии эта задача также была новаторской. Здесь, правда, у В. П. Жукова был предшественник – М. И. Михельсон, который в своем собрании «Русская мысль и

речь. Опыт...» [Михельсон, 1903-1905; 1994] предлагал контекстные иллюстрации к описываемым языковым единицам. Однако, во-первых, такие иллюстрации нередко были спорадичными и значительно сокращенными, во-вторых, – устаревшими уже в виду дореволюционного издания этого не потерявшего и сейчас источниковедческой ценности справочника. В. П. Жуков построил свой словарь на органически сбалансированном симбиозе контекстов из классической и современной ему русской литературы. Каждая цитата при этом воспроизведена с величайшей точностью, в соответствии со строгими, но справедливыми нормами советской редактуры словарей.

Третья важная теоретическая и практическая ипостась словаря В. П. Жукова – последовательный историзм в указании хронологической последовательности фиксации русских паремий. Этого составитель добивается тремя способами. Во-первых, расположением цитатного материала с имплицитно преимущественным использованием хронологической последовательности авторов: сначала – произведения классиков, затем – контекстные цитации из советской литературы. Во-вторых – приведением в конце словарной статьи ссылок на литературу XVIII века и соответствующих контекстных иллюстраций. Наконец, ссылкой на основные отечественные паремиологические собрания в их хронологической последовательности.

Анализ материала. Приведём типичную словарную статью из словаря В. П. Жукова, иллюстрирующую описанные лексикографические параметры:

ДО БОГА ВЫСОКО, ДО ЦАРЯ ДАЛЕКО. *Говорится тогда, когда неоткуда ждать помощи, некому пожаловаться.* Полно сидеть на корточках, — сказал Роговольд. — До бога высоко, до царя далеко, нам просить о помощи некого. Потянись, брат любезный, в один конец, я потянусь в другой. Даль, Сказка о Роговольде. Он [начальник] хотя, скажем, не полный генерал был, да мы-то в правлении всегда его вашим превосходительством звали. Сам приказал: «Для чужих я, говорит, может, и меньше полковника, а своим подчиненным я Бог и царь!» — А что ты думаешь?.. И верно! ~ опять вставил Копыленков. — До Бога высоко, до царя далеко, а он тебя тут завсегда ухватит... Это он правильно. Короленко, Ат-Даван. — Мне другая сила — не адвокатская нужна, мне нужна такая сила, чтобы все суды, все законы пересилила. К царю мне теперь путь... — Э-э, дед, до Бога высоко, до царя далеко, — мрачно сказал Петр и с тоской посмотрел на Ульянова. Вирта, Вечерний звон. — Государю о сем надо написать! — сердито сказал Черепанов. — До Бога высоко, до царя далеко! Да разве царь в силах наказать сих грабителей? Е. Федоров, Каменный пояс. Народ робко смотрел, как в парчовой шубе с черно-бурым ожерельем либо в кафтане, надменно высунув вперед бороду лопатой, в собольих шапках, с высоким посохом в руках шел площадью из своего двора в соборную церковь, он, воевода, хозяин города, уездов, владыка черных людей. До Бога высоко, до царя далеко, — кому скажешь, куда пойдешь? В. Н. Иванов, Черные люди.

Из XVIII в.: [Советник:] А в мое время всякий и с правым и неправым делом шел в приказ и мог, подружась с судьей, получить милостивую резолюцию. В мое время дале не совались. У нас была пословица: до Бога высоко, до царя далеко. Фонвизин, Бригадир. Наше дело крестьянское, у ково нам просить милости, как не у тебя. У нас в крестьянстве есть пословица: до Бога высоко, а до царя далеко,

там мы-таки все твоей милости кланяемся. Неужто у твоей милости каменное сердце? Трутень, лист 30, 17 ноября 1769. [Излет:] Перед ней [царицей] открою раны, Грудь открывши я свою... Донесу ей, как тираны Дочь похитили мою... [Лесник:] Да вить до Бога-то высоко, а до царя далеко. Николев, Розана и Любим.

– Симони: Высоко Богъ, далеко царь; Даль: До Бога высоко, до царя далеко; Рыбникова: До Бога высоко, до царя далеко. [Жуков, 1991, с. 104].

Как видим, и в контекстной части словаря, и цитациях литературы XVIII в., и в «нижней» отсылке на паремиологические собрания В. П. Жуковым строго соблюдена хронологическая иерархия фиксации описываемой пословицы. И на первом месте здесь оправдано числится именно сборник Петровской эпохи – сборник П. К. Симони, в котором собраны древнейшие рукописи русских пословиц и поговорок [Симони, 1899], особенно – Петровского времени. Для многих пословиц, лексикографированных новгородским паремиологом, этот источник открывает хронометрический ряд описания, имплицитно предлагая читателю их диахроническую ретроспективу. По нашим подсчётам, в словаре В. П. Жукова такие ссылки приводится в 216 словарных статьях, напр:

Бабы города недолго стоят, Барышу наклад большой (родной) брат, Беда не по лесу ходит, а по людям, Без денег в город — сам себе враг, Без детей горе, а с детьми вдвое, Без имени <и> овца баран, Без соли, без хлеба худая беседа, Бездна бездну призывает, Ближняя копеечка дороже дальнего рубля, Бог даст день, даст и пищу, Бог (господь) не выдаст, свинья не съест, Бодливой корове Бог рог не дает, Большому кораблю – большое <и> плавание, Брань на вороту не виснет, Были бы кости, а мясо нарастет (будет), Быть бычку на веревочке, В воре, что в море, а в дураке, что в пресном молоке, В дождь избы не кроют, а в ведро и сама не каплет, В поле две воли: чья сильнее (чья возьмет), Всякий (всяк) молодец на свой образец... Как (сколько) волка ни корми, <а> он все в лес глядит (смотрит), Каков в колыбельку (в колыбельке), таков и в могилку (в могилке), Капля (и) камень долбит (точит), Конь <и> о четырех ногах, да <и тот) спотыкается, Который (какой) палец ни укуси, все <одно> (все, каждый) больно, Кошке игрушки, а мышке слезки, Кто в море не бывал, тот (досыта) Богу не маливался, Кто грамоте горазд, тому не пропасть, Куда иголка, туда и нитка, ... Старую собаку не батькой звать, Старый друг лучше новых двух, Стерпится, слюбится, Сухая ложка рот дерет, Сытый голодного не понимает, Теля умерло, хлеба прибыло, Тише едешь, дальше будешь, Тот же Савка на тех же санках, У бабы волос долог, да (а) ум короток, У богатого (богатому) телята, <а> у бедного (бедному) ребята, У всякого Павла своя правда, У семи нянек дитя без глазу (без глаза), У страха глаза велики, У Фили пили, да Филю ж и били, Укатали (уходили, умыкали) Сивку (Бурку) крутые горки, Улита едет, <да> когда-то будет, Ум хорошо, <а> два лучше (того), Утро вечера мудренее, Ученье свет, <а> неученье тьма, Хлеб-соль ешь, а правду режь, Хорошо тому жить, кому бабушка ворожит, Чем богаты (богат), тем и рады (рад), Чем (что) дальше в лес, тем (то) больше дров, Чему быть, того (тому) не миновать, Чему посмеешься, тому поработаешь, Что <ни>

город, то норю <что <ни> деревня, то обычай, Что написано пером, того не вырубишь топором, Что посеешь, то и пожнешь, Что с возу (с воза) упало, то <и> пропало, Шила (шила) в мешке не утаишь, Шилом моря не нагреешь, Эта ворона нам не оборона, Яблоко (яблочко) от яблони (от яблоньки) недалеко падает, Язык до Киева доведет, Язык мой – враг мой (прежде ума глаголет).

Ценность таких отсылок на собрание П. К. Симони не только в доказательной констатации преемственности и жизнеспособности русского паремнологического фонда с Петровской эпохи до нашего времени, но и в демонстрации их динамики. Ведь точное воспроизведение формы той или иной паремии даже в орфографии трехсотлетней давности в сопоставлении с её современным обликом даёт объективное представление о вариантной разнообразности и процессах нормализации паремнологической системы.

Вот типичный пример демонстрации такой вариантной динамики паремий от Петровской эпохи, запечатленных в собрании П. К. Симони, до их современного функционирования, зафиксированного в словаре В. П. Жукова [Жуков, 1991, с. 312]:

СОЛОВЬЯ БАСНЯМИ НЕ КОРМЯТ. Говорится перед тем, как пригласить кого-л. к столу (обычно после затянувшихся разговоров), или (реже) тогда, когда важны (нужны) не пустые разговоры, а конкретные дела. – Да что это я болтаю: соловья баснями не кормят! Василиса! Василиса! Что ж мы сидим: скорей вели собирать на стол, до обеда долго, он позавтракает. Гончаров, Обрыв. Ну, да ведь соловья баснями не кормят, а ты, Андревнушка, спроворь-ка нам поскорее закусочку: водочки поставь да мадерцы, икорки зернистой, да грибочков, да груздочков, да рыжиков, да смотри, огурчиков соленьких не забудь. Мельников Печорский, На горах. – Ну-ка, сватушка, соловья баснями не кормят; давай-ка поужинаем, легче говорить будет. Афанасьев, Народные анекдоты. Молодежь также отлично знала, что СОЛОВЬЯ баснями не кормят. Знал это и проповедник и счел необходимым, прежде нежели начать проповедывать, привязать их к себе угощением: стал до отвала кормить молодежь кашей. Г. Успенский, Власть земли. – Погодите, погодите... Соловья баснями не кормят, – суетился Карнаухов, затаскивая Ароматова в контору. – Ну, брат, прежде всего устроим разрешение вина и елеш... Вкушаешь? Мамин Сибиряк, Золотуха. – Ну ладно, соловья баснями не кормят. Он [Дроздов] заказал закуску, водку и сразу же возобновил разговор о пьесе. Саянов, Страна родная. – Однако соловья баснями не кормят. Сейчас мы чаек соорудим. Р. Хигсрочич, Путь писателя. – Соловья, Маруся, баснями не кормят! – прервал жену Фирсов. – Приглашай гостя к столу. Степанов, Семья Звонаревых. – Я заехал еще привезть тебе денег, так как соловья баснями не кормят, – сказал он. – Тебе нужно, я думаю. Л. Толстой, Анна Каренина.

А теперь, я надеюсь, Арина Власьевна, что, насытив свое материнское сердце, ты позаботишься о насыщении своих дорогих гостей, потому что, тебе известно, соловья баснями кормить не следует. Тургенев, Отцы и дети. Тетюев немного обиделся. Невнимание к его игре задело его за живое как артиста. – Вот что, прибавил он. – Соловья музыкой будущего не кормят... Так? Адмиральский час на дворе, и пора закусить. От закуски Прозоров не отказался. Мамин Сибиряк, Горное гнездо.

Из XVIII в.: (Розана:!) Уж грех? Вить мы не говеем?... [Любим:] Ха, ха, ха! простушка моя! быть так: не мы первые, не мы последние... Однако соловья баснями не кормят. Я, право, проголодался. Николев, Розана и Любим. [Сквалыгин:] Послушай, голубка! соловья баснями не кормят. Матинский, Санкт-Петербургский гостинный двор.

– Симони: Басни соловья не кормят; Соловья басни не кормят; Снегирев: Соловья баснями не кормят; Даль: Соловья баснями не кормят; Михельсон: Соловья баснями не кормят; Рыбникова. Соловья баснями не кормят.

Как видим, В. П. Жуков не только отразил динамику этой пословицы со времени их фиксации собранием П. К. Симони, но и щедро иллюстрировал её контекстными иллюстрациями. Наш сводный словарь пословиц показывает, что такая вариантная динамика не разрушила устойчивости этой пословицы, ибо основной вариант воспроизводится большинством позднейших паремиологических источников, в том числе и диалектных, напр., псковских, поморских, ленинградских и кубанских говорах [Мокиенко, Никитина, Николаева, 2010, с. 854], там же читатель найдет точные данные обисточниках:

Соловья (Соловей) баснями (басни) не кормят. Сим., 139; Петр. галер. нач. XVIII в., 35; Паус нач. XVIII в., 40; СлРЯ XVIII в. 10, 175; ДП 2, 130; Д 1, 52; СР 2, 231; Соб. 1956, 122; Раз. 1957, 201; Рыбн. 1961, 132, 138; Жук. 1966, 434–435; Спир. 1985, 130; Ан. 1988, 291; Пермьяков 1988, 157; Помор. Мерк. 1997, 104; Кубан. ППЗК 2000, 65; Пск. СПП 2001, 140; Ленингр. Соловьева 2001, 83; Сок., 54.

Не разрушают такой «ядерной» стабильности, зарегистрированной В. П. Жуковым, и периферийные варианты пословицы, отраженные разными источниками и всё более удаляющимися от исходного прототипа:

Соловья за песни кормят. Соб. 1985, 122; Ан. 1988, 291; Сок., 564.

Соловья завтраком кормили, а он издох. Акмол. Асенова 2010, 15.

Соловья кормят за песни. Петр. галер. нач. XVIII в., 35.

Соловья песней не кормят. Пск. ПОС 26, 62.

Соловья песнь не кормит. Пск. (Оп.) СПП 2001, 140.

Соловья побасками не кормят. Д 3, 135.

Не песнями коней кормят. Соб. 1956, 110.

Песнями скотину не кормят. Кубан. ППЗК 2000, 65; Твер. ТПП 1993, 30.

Попа сеном не кормят. Тат. нач. XVIII в., 60.

Ср. также недавно записанную социально заостренную антипословицу, свидетельствующую об актуальности старой паремии

Соловья баснями не кормят, ими кормят народ. Трушкин 2000, 161. [Вальтер, Мокиенко, 2004, с. 452].

Виды паремиологических вариантов, представленных в зеркале выборки из собрания П. К. Симони В. П. Жуковым, соответствует традиционной типологии фразеологического варьирования [Мокиенко, 1989, с. 9-36]. При этом морфологические и словообразовательные варианты достаточно редки, напр.: **Бабы города недолго стоят – Бабы городы не стоят; Бог (Господь) не выдаст, свинья не съест – Богъ здасть и свинья съхсть.** Синтаксические же и лексические варианты характеризуются как значительной количественной представленностью, так и вариантным многообразием.

Вот примеры синтаксических вариантов: **Барышу наклад большой (родной) брат – Накладъ барышу большой братъ; Без соли, без хлеба худая беседа – Без обѣда не красна беседа; Беседа без хлѣба худая беседа; Бог даст день, даст и пищу**

– *Дастъ Богъ утро и день, дастъ Богъ и пищу; В поле две воли: чья сильнее (чья возьмет) – В поле воля; Всем сестрам по серьгам – Достанется сестрамъ по серьгамъ; До бога высоко, до царя далеко – Высоко Богъ, далеко царь.*

Некоторые варианты такого рода отражают важные для исторической паремиологии и фразеологии особенности. Так, вариант современной пословицы **Говорить правду – терять дружбу** – Говорить правда, потерять дружба, зафиксированный П. К. Симони, является осколком древней синтаксической модели: именительного падежа объекта при независимом инфинитиве. Эта конструкция широко отражена в памятниках XIII–XIV вв. и до сих пор встречается в диалектах. На русском Севере и сейчас можно услышать *вода носить, баня топить, голова сложить* (вместо *воду носить, баню топить, голову сложить*) [Мокиенко, 1990, с. 71].

К этому же типу вариантов можно отнести и вариант к пословице **На чужой рот пуговицы не нашешь**, зафиксированный в собрании П. К. Симони, – *На чужой рот не пуговица нашить.*

Лексические варианты из собрания П. К. Симони, представленные в словаре В. П. Жукова, имеют ещё бóльшую ценность для историко-этимологического анализа фразеологии и паремиологии, ибо именно они отражают компонентную (resp. образную) динамику этих языковых подсистем. **Копеечка дороже дальнего рубля – Домашняя гривна лутче отъизжева рубля; Большому кораблю – большое <и> плавание – Великому кораблю велико и плавание; Знать (видать) птицу (сову) но полету – Знать сову по перью; Всему свое время – Всякой вещи время; Горбатого <одна> могила исправит – Горбатаго гроб исправляет; Гром не грянет, мужик не перекрестится – Громъ не грянетъ и мужикъ не дрогнет; Который (какой) палец ни укуси, все <одно> (все, каждый) больно – За которой персть ни укусишь, инъ все болят; Куй железо, пока горячо – Когда железо кипит, тогда его и ковать; Мертвым телом хоть забор подпирай – Мертвымъ да мерзлымъ хошь тын подпирай; Не в свои сани не садись – В чужие сани не садись; Не бойся суда, <а> бойся судьи – Не бойся исца, бойся судьи.**

Лексические варианты, сохранённые паремиологическими собраниями Петровского времени, ценны и тем, что они законсервировали некоторые редкие, архаичные или диалектные лексемы, вытесненные позже литературными компонентами. Так, глагол *лучаться/лучиться*, вошедший в состав варианта **Не плюй в колодец, пригодится воды напиться**, зафиксирован в значении ‘случиться, приключиться’ в великолукских, владимирских, воронежских, донских, костромских, курских, орловских, смоленских, тамбовских и других народных говорах.

Ареал сущ. *мылна (мыльна)*, который у П. К. Симони зафиксирован в варианте к пословице **Не велик голик, а в бане и он царь** – *Вһникъ в мыльне всһмъ господинъ*, не менее широк [Мызников, 1965-2019, т. 19, с. 55]. Характерно, что в былинах даже в рамках одного контекста наблюдается сопряжение синонимов *мыльна – баня*, зарегистрированных В. П. Жуковым путем отсылки к собранию П. К. Симони: *В ту же пору, в то же было же во времечко. Как пошла-то Настасья дочь княжевична,*

Во **мыльню** она да жарку **банечку**. (Былины Печоры и Зимнего Берега) [Мызников, 1965-2019, т. 17, с. 209].

Ещё более широкий ареал имеет диалектизм *слота*, ставший частью варианта к пословице **Наделала синица славы, а море не зажгла** – *Ходила баба море зажигать, море не зажгла, а слоту явила* (Симони). В русских народных говорах слово *слота* (*слоть*) имеет значения ‘слякоть, дождливая погода’, ‘зимняя сырая погода, снег с дождем, мокрый снег’. Выражение *явить слоту* не зафиксировано до сих пор ни одним другим источником, кроме собрания П. К. Симони. Оно является, видимо, метафорой со значением ‘лгать, бесстыдно врать’ – ср. арх. и волг. *слотить* ‘врать, шутить, острить, пустословить’ [Мызников, 1965-2019, т. 38, с. 305]. Прямое же значение слов *слота*, *слатина* этимологически связано с географическим термином *солотина*, *слотина* ‘небольшая болотная топь, крутобереговая низменность с родниками, нередко со ржавчиной’, *солоть* ‘сырое, вязкое место; болото, глубокая лужа, яма на дороге’ [Мызников, 1965-2019, т. 39, с. 304]. Эти слова имеют праславянскую дальнобойность и зафиксированы во всех славянских языках [Мокиенко, 1972].

Лингвокультурологическую ценность имеют краткие, но ёмкие комментарии о происхождении некоторых паремий, которые предлагает В. П. Жуков, опираясь на известные ему источники. Вот некоторые из них.

Пословица **ДОРОГО ЯИЧКО К ВЕЛИКОМУ (к светлому, к Христову) ДНЮ (празднику)**, которая в собрании П. К. Симони зафиксирована а варианте *Дорого яичко к велику дни*, комментируется В. П. Жуковым [Жуков, 1991, с. 108] со ссылкой на книгу И. М. Снегирева «Русские в своих пословицах» (М., 1833. Кн. 3. с. 116): «Первоначально об обычае в среде чиновников (XVI в.) на пасху вместе с красным яйцом брать и деньги (хотя официально взятки были запрещены)».

К тому же источнику (Снегирев И. М. Русские в своих пословицах. М., 1834. Кн. 4. с. 187) относится и комментарий к пословице, зафиксированной П. К. Симони, – **У фили пили, да филю ж и били** [Жуков, 1991, с. 332]: «Первоначально – о венгерском бароне Фильние, по прозвищу Филя Прегордый (XIII в.), непримиримом враге русских, которого перехитрили русские воины: сначала побывали у него в гостях, а затем изрядно побили».

Значимый лингвокультурологический комментарий предложен В. П. Жуковым [Жуков, 1991, с. 94] для пословицы **Далеко кулику до Петрова дня**, которая в собрании П. К. Симони фиксируется в варианте *Далеко кулику до Петрова дни*: «Петров день (29 июня ст. ст.) – начало охотничьего сезона на Руси. С 9 марта до 29 июня – время запрета охоты на дичь. «Вот это-то время... и выражает собою то „далеко“, которое изживает кулик в полной беспечности и безопасности». Этот комментарий опирается на книгу этнографа С. В. Максимова [Максимов, 1891; 1955, с. 383].

Нередко именно варианты пословицы, зафиксированные в собраниях Петровского времени, становятся убедительными аргументами в пользу историко-этимологической расшифровки, предлагаемой в словаре В. П. Жукова. Таков вариант из собрания П. К. Симони *Пһнию время и молитвһ чась*, приводимый им к пословице **Делу время, <a> потехе час** [Жуков, 1991, с. 99]. Здесь новгородский паремиолог

обращается к классическому труду Н. С. и М. Г. Ашукиных [Ашукин, Ашукина, 1955, с. 175]: Первоначально употреблялось в значении: делу и веселью свой срок, своя пора; всему; свое время. Из приписки царя Алексея Михайловича к сборнику правил соколиной охоты под названием «Книга, глаголемая урядник»: «Прилог книжный или свой: сия притча душевне и телесне; правды же и суда и милостивыя любве и ратного строя не забывайте: делу время и потехе час».

При необходимости В. П. Жуков в качестве диахронического комментария приводит иноязычный источник. Особое внимание при этом уделяется латинизмам: **Бумага все терпит** – *Epistola non erubescit*; **Глас народа – глас Божий** – *Vox populi – vox die*; **Гора родила мышь** – *Parturiunt montes, nascetur ridiculus mus*; **Каждому свое** – *Suum cuique*; **Капля (и) камень долбит (точит)** – *Gutta cavat lapidem*; **Конец – (все) делу венец** – *Finis coronat opus*; **Не место красит человека, а человек место** – *Non locus ornat hominem, sed homo lokum*; **Привычка – вторая натура (природа)** – *Consuetudo est altera natura*; **Рука руку моет <и обе белы бывают>** – *Manus manum lavat*.

В некоторых случаях В. П. Жуков проявляет оправданную осторожность, избегая прямолинейного сопряжения описываемой им пословицы с латинским прототипом путём отсылки к последнему с помощью пометы *Ср.*: **Сколько голов, столько <и> умов** – *Ср. лат. Quot homines, tot sententiae*; **Сказано – сделано**. *Ср. лат. Dictum – factum*.

Приводятся в словаре В. П. Жукова и отсылки к «живым» европейским языкам, паремиология которых обогатила русский язык – немецкие: **Нет розы без шипов** – *Keine Rose ohne Dornen*; **Старая любовь не ржавеет** – *Ср. нем. Alte Liebe rostet nicht*; французские: **Аппетит приходит во время еды** – *L'appétit vient en mangeant*; **В доме повешенного не говорят о веревке** – *On ne parle pas de corde dans la maison d'un pendu*; **Игра не стоит свеч** – *Le jeu ne vaut pas la chandelle*; **Поживем – увидим** – *Ср. франц. Qui vivra verra*; английские: **Время – деньги** – *Time is money*; **В доме повешенного не говорят о веревке** – *Ср. англ. Name not a halter in his house that was hanged*.

Выводы. Вчитываясь в словарные статьи классического «Словаря русских пословиц и поговорок» В. П. Жукова, хочется вслед за А. С. Пушкиным воскликнуть: «Что за прелесть эти сказки! Каждая из них есть поэма...». И в самом деле: каждая пословица и поговорка, включенная новгородским паремиологом в словарь – это своеобразная фольклорная миниатюра. Миниатюра, которая предлагает читателю полное представление об образности и экспрессивности описываемой паремии, о её употреблении в классической и современной литературе, о многогранности её дидактического смысла и границах употребления. В этом очерке я постарался показать, сколь значим словарь В. П. Жукова для русской исторической паремиологии. Ведь лапидарные сопряжения современного материала с контекстами литературы XVIII века и сборниками Петровской эпохи, предлагаемые в этом словаре, дают мощный импульс для будущих разысканий. И для каждого исследователя, которого увлечёт паремиологическая археология, вратами диахронической учёности останется scrupulозное изучение словаря В. П. Жукова.

Литература

Ашукин, Н. С., & Ашуккина, М. Г. (1955). *Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения*. Москва: Художественная литература.

Вальтер, Х., & Мокиенко, В. М. (2004). *Словарь современных русских прозвищ. Экспериментальный выпуск*. Под ред. А. А. Шумейко. Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität.

Даль, В. И. (1861-1863; 1879). *Пословицы русского народа*. Санкт-Петербург: «Гостинный двор». Москва: «Кузнецкий мост», 1879. (1-е издание 1861–1862).

Жуков, А. В. (2021). Через версты войны к истинам русской речи (К 100-летию со дня рождения В. П. Жукова). *Русский язык в школе*. 82(2). 85-89.

Жуков, В. П. (1966; 1967; 1991; 2004). *Словарь русских пословиц и поговорок*. Москва: Сов. энциклопедия, 1966; 2-е и 3-е изд. (стереотип.). Москва, 1967; 4-е изд., испр. и доп. Москва: «Русский язык», 1991; 11-е изд. (стереотип.). Москва: Русский язык – Медиа, 2004.

Максимов, С. В. (1891, 1955). *Крылатые слова*. СПб, 1891. 2-е изд. Москва: ГИХЛ, 1955.

Михельсон, М. И. (1903-1905; 1994). *Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний*. Санкт-Петербург, Т. 1, 1903. Т. 2, 1905; Михельсон, М. И. (1994). *Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний*. Предисловие и комментарии В. М. Мокиенко. Москва: «Русские словари». Т. 1–2.

Мокиенко, В. М. (1972). Сербохорв. *пониква, слатина* и некоторые проблемы изучения славянской географической терминологии. *Исследования по сербохорватскому языку* (с. 139-156). Москва: «Наука».

Мокиенко, В. М. (1989). *Славянская фразеология*. 2-е изд., испр. и доп. Москва: «Высшая школа».

Мокиенко, В. М. (1990). *Загадки русской фразеологии*. Москва: «Высшая школа».

Мокиенко, В. М. (2011). Пословица и поговорка: от терминологического плюрализма к унификации. *Литературная и диалектная фразеология: история и развитие (Пятое Жуковское чтение): материалы Междунар. научн. симпоз. к 90-летию со дня рождения Власа Платоновича Жукова*. Т. 1. (с. 33-41). Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого.

Мокиенко, В. М., Никитина, Т. Г., & Николаева, Е. К. (2010). *Большой словарь русских пословиц. Около 70 000 пословиц*. Москва: «ОЛМА Медиа Групп».

Номис, М. (1864; 1993). *Українські приказки, прислів'я і таке інше: Зб. О. В. Марковича і других. Спорудив М. Номис*. Санкт-Петербург, 1864; 3-е вид. Київ: Либідь, 1993.

Симони П. (1899). *Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий. Собрал и подготовил к печати Павел Симони*. Санкт-Петербург.

Мызников, С. А. (Ред.). (1965–2019). *Словарь русских народных говоров (СРНГ)*. Вып. 1–51. Л. –Санкт-Петербург.

References

Ashukin, N. S., & Ashukina, M. G. (1955). *Winged words. Literary quotes. Figurative expressions*. Moscow: Fiction. (In Russian)

Dal, V. I. (1861-1863; 1879). *Proverbs of the Russian people*. St. Petersburg: "Gostiny Dvor". Moscow: "Kuznetsky Most", 1879. (1st edition 1861-1862). (In Russian)

Flajšhans, V. (1911-1913; 2013). Czech proverbs. A collection of proverbs, stories and sayings of the Czech people in Bohemia, Moravia and Silesia. Part I. Old Bohemian proverbs. Part I (A-N), Part II (O-Ru). Prague: Czech Academy of Emperor Franz Josef for Science, Literature and Art; 2nd, extended edition. Foreword by V. Mokienko, comments by V. Mokienko, L. Stepanova. V. Mokienko, L. Stepanova (Eds.). Olomouc: Palacký University in Olomouc. (In Czech)

Krzyżanowski, Ju. (Ed.). (1969-1978). *New book of Polish proverbs and expressions (NKP)*. Vol. 1-4. Warsaw: State publishing institute. (In Polish)

Maximov, S. V. (1891, 1955). *Winged words*. St. Petersburg, 1891; 2 nd ed. Moscow: GIHL, 1955.

Mikhelson, M. I. (1903-1905; 1994). *Russian thought and speech. His and someone else's. Experience of Russian phraseology. Collection of figurative words and parables*. St. Petersburg, Vol. 1, 1903. Vol. 2, 1905; Mikhelson, M. I. {1994}. *Russian thought and speech. His and someone else's. Experience of Russian phraseology. Collection of figurative words and parables*. Foreword and comments by V. M. Mokienko. Moscow: "Russian dictionaries". Vol. 1–2.

Mokienko, V. M. (1972). Serbohorv. *ponikva, slatina* and some problems of studying Slavic geographical terminology. *Studies in the Serbo-Croatian language* (pp. 139-156). Moscow: "Science".

Mokienko, V. M. (1989). *Slavic phraseology*. 2nd ed., Rev. and add. Moscow: "High school".

Mokienko, V. M. (1990). *Riddles of Russian phraseology*. Moscow: "High school".

Mokienko, V. M. (2011). Proverb and Saying: From Terminological Pluralism to Unification. *Literary and dialect phraseology: history and development (Fifth Zhukovsky readings): materials of the Intern. scientific. symposium. to the 90th anniversary of the birth of Vlas Platonovich Zhukov*. Vol. 1. (p. 33-41). Veliky Novgorod: Yaroslav-the-Wise Novgorod State University.

Mokienko, V. M., Nikitina, T. G., & Nikolaeva, E. K. (2010). *A large dictionary of Russian proverbs. About 70,000 proverbs*. Moscow: "OLMA Media Group".

Myznikov, S. A. (Ed.). (1965–2019). *Dictionary of Russian Folk Dialects (SRNG)*. Issue 1-51. L. –St. Petersburg.

Nomis, M. (1864; 1993). *Ukrainian proverbs, sayings etc.: Zb. O. V. Markovich and others. Equipping M. Nomis*. St. Petersburg, 1864; 3rd type. Kiev: Libid, 1993. (In Ukrainian)

Simony P. (1899). *Old collections of Russian proverbs, sayings, riddles, etc. XVII – XIX centuries*. Collected and prepared for publication by Pavel Simoni. St. Petersburg.

Flajšhans, V. (1911-1913; 2013). *Česká přísloví. Sbíрка přísloví, přípovědek a pořekadel lidu Českého v Čechách, na Moravě a v Slezsku*. Díl I. Prísloví staročeská. Díl I (A-N), díl II (O-Ru). Praha: Česká akademie císaře Františka Josefa pro vědu, slovesnost a umění; 2-é, rozšířené vydání. Předmluva V. Mokienko, komentáře V. Mokienko, L. Stěpanova. Editors Valerij Mokienko, Ludmila Stěpanova. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci.

Krzyżanowski, Ju. (Ed.). (1969-1978). *Nowa księga przysłów i wyrażení przysłowiowych polskich (NKP)*. T. 1-4. Warszawa: Państwowy instytut wydawniczy.

Wander, K. F. W. (1867-1889; 1964, 1987). *Deutsches Sprichwörterlexikon. Ein Hausschatz für das deutsche Volk*. 5 Bde. Leipzig, Ndr. Darmstadt; Ndr. Kettwig.

Walter, H., & Mokienko, V. M. (2004). *Dictionary of modern Russian nicknames. Experimental release*. Ed. A. A. Shumeiko. Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität. (In Russian)

Wander, K. F. W. (1867-1889; 1964, 1987). *German proverb lexicon. A treasure trove for the German people*. 5 vols. Leipzig, Ndr. Darmstadt; Ndr. Kettwig. (In German)

Zhukov, A. V. (2021). Through war miles to the truths of Russian speech (To the 100th anniversary of the birth of V. P. Zhukov). *Russian language at school*. 82(2). 85-89. (In Russian)

Zhukov, V. P. (1966; 1967; 1991; 2004). *Dictionary of Russian proverbs and sayings*. Moscow: Sov. encyclopedia, 1966; 2nd and 3rd ed. (stereotype.). Moscow, 1967; 4th ed., Rev. and add. Moscow: "Russian language", 1991; 11th ed. (stereotype.). Moscow: Russian language - Media, 2004.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-42008 «Пословицы и поговорки Петровского времени как культурный феномен языковых реформ (ретроспектива и перспектива)».

Для цитирования статьи:

Мокиенко, В. М. (2021). Пословицы Петровского времени в Словаре В. П. Жукова. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 2(2), 8–19. DOI: 10. 34680/VERBA-2021-2(2)-8-19

For citation:

Mokienko, V. M. (2021). Proverbs of Peter the Great's Time in the V. P. Zhukov's Dictionary. *VERBA. North-West linguistic journal*, 2(2), 8–19. (In Russian) DOI: 10. 34680/VERBA-2021-2(2)-8-19